

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это о войне.
Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ТЕРРОРИЗМ —
ЭТО БЕССМЫСЛЕННАЯ ИСТЕРИКА
ПРОИГРАВШИХ

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ПОСЛЕДНЕЕ
КРЫМСКОЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Роман о российском спецназе

Александр Тамоников

**Последнее крымское
предупреждение**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тамоников А. А.

Последнее крымское предупреждение / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2017 — (Роман о российском спецназе)

ISBN 978-5-699-97955-4

Террористы готовят серию атак на крупные объекты российского Крыма. В их числе — продовольственный рынок и прогулочный теплоход «Скрябин». Группе спецназа майора Вадима Репнина поручено сорвать планы бандитов и нейтрализовать их главарей. Спецназовцы выясняют, что один из ключевых участников акции, бывший кадровый военный, живет в Алуште. Именно у него диверсанты устроили склад взрывчатки. Репнин понимает, что имеет дело с опытным и расчетливым противником, действовать против которого нужно решительно и нестандартно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97955-4

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Последнее крымское предупреждение

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2017

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*

А. Тамоников

Глава 1

Мужчина в защитном комбинезоне пробивался через плотный ельник. Время поджимало, он спешил. Секунды молоточками стучали по черепу, минуты отмерялись чувствительными толчками.

Хвойные лапы хлестали его, как банный веник, иглы сыпались за ворот. Он закрывался руками, чтобы не пораниться. Взмокшая одежда прилипла к коже, холеное лицо блестело от пота.

Человек старался дышать размеренно, но иногда сбивался с ритма. Из его горла выстреливал сиплый кашель.

Ельник сгущался, скорость падала. Пространства для маневра не оставалось. Мужчина забрел в низину, огороженную глинистыми обрывами. Ему все чаще приходилось опускаться на колени и ползти. Продвигаться вперед иначе было невозможно.

Впереди заголубел просвет. Человек выбрался на полянку, запрыгал по ней с ускорением и протаранил кустарник. Чавкала жижа под тяжелыми ботинками. Гудели комары, атакуя незащищенные участки кожи.

Мужчина прыгал по кочкам, поскользнулся, провалился в жижу и едва не оставил в ней ботинок. Несколько секунд он потратил на отдых, проделал комплекс энергичных дыхательных упражнений и снова рванулся вперед, давя упругие кусты.

Это ерунда. Болото ненастоящее. Самое трудное осталось позади – преодоление на время заминированных заграждений и лабиринта бревенчатых конструкций, униженных колючей проволокой.

Низина не отпускала его. Он утопал по колено в топкой жиже. Ветки, как стальные крючья, цеплялись за одежду. Но нет силы, способной остановить уверенного в себе офицера украинской армии!

Он упорно проходил преграды, продрался через кустарник, покорил, как Джомолунгму, груды камней в полтора человеческих роста, которую невозможно было обойти. Человек пыхтел, сбивал колени, падал.

Спуск с горы был еще сложнее. Снова лес, баррикада сушняка. Постарались же устроители этого испытательного объекта первой категории сложности!

Ломались сухие ветки, били по ногам. Он еще не выдохся, злость и упрямство гнали его дальше, через заросли крапивы и предательские кочки под ногами. Земля уплотнялась, кончились ловушки.

Тело немело от усталости. Он был еще молод, но уже не настолько юн, чтобы шутя справляться с подобными трудностями. Но слишком многое стояло на кону. Будущее ценного сотрудника Главного управления разведки Министерства обороны Украины решалось в этом долбаном лесу!

Так называемая полоса диверсанта, максимально приближенная к естественным условиям, тянулась дальше. Густой осинник, обрывы, поваленные деревья. Счетчик в мозгу отмечал расстояние. Пройдено уже три четверти пути.

Где же «покемоны», эти смешные зверюшки, обязательный атрибут индивидуального экзамена?

Он запыхался, но был начеку. Ушел с тропы, маневрировал между деревьями. Эти особи порой изобретательны, тоже жить хотят и могут доставить серьезные проблемы...

Двое выскочили из кустарника, который человек уже фактически миновал! Он их заметил, не проглядел за ворохом листвы, услышал сиплое дыхание за спиной, хруст веток!

Мужчина ускорился, помчался прыжками в просвет между деревьями. Он машинально фиксировал обстановку слева, справа. Не родилась еще скотина, способная застать врасплох майора Романовского! Разведчик сделал кувырок через голову, метнулся за осину.

Его атаковали парни с вытаращенными глазами. Молодые, небритые, в каких-то обноскох. Так называемые ополченцы Донбасса, захваченные в зоне боевых действий и доставленные под Тернополь, чтобы принести молодой, но гордой демократии хоть какую-то пользу! Избитые, оборванные, не сказать, что полные сил, но злобы через край.

Эту нечисть стимулируют перед отправкой на полигон, ездят по ушам. Им обещают свободу в случае уничтожения экзаменуемого или нанесения ему необратимых увечий. Ага, обрадовались! Но во что еще верить этим тварям без рода и племени?

Рука майора машинально потянулась к кобуре, болтающейся за спиной. Романовский выхватил «ПМ», заряженный тремя патронами, опустил флажок предохранителя.

Жилистый белокурый заморыш летел на него, сжимая кулаки, что-то хрипел, выплескивал накопившиеся эмоции. Понял, что не успевает, завыл отбитыми легкими.

Цель на мушке, время сокращать аудиторию! Романовский истратил два патрона, откатываясь вбок. Непростительное расточительство!

«Террорист» подавился пулей, не добежал, напоролся на дерево, как-то даже приобнял его и сполз к корням. Второго, дышавшего в затылок первому, обрызгало мозговой жидкостью. Слабенькой оказалась черепушка, лопнула, как перезрелый орех.

Другой тип был мощнее, пер как танк. Он с ревом промчался мимо павшего товарища и прыгнул на майора. Романовский только поднимался, держал пистолет в руке.

Туша, разящая канализацией, навалилась, подмяла. Молния паники сверкнула в голове. Дыхание перехватило, хищные пальцы вцепились майору в глотку. До него не сразу дошло, что этот тип навалился на ствол животом. Последняя пуля разворотила ему кишечник. Бедняга извивался на нем, давился матерками и кровью.

Майор отжал его от себя, отбросил, перекатился, подлетел на колено, обернулся. Пистолет превратился в никчемное железо, он сунул его обратно в кобуру.

Вокруг тишина. Но их не может быть так мало. Затаились где-то, выжидают.

Раненый еще не умер. Он испытывал дикие мучения, извивался, зажимал рану, стонал. Опасности он уже не представлял, и жить ему оставалось недолго. Сам не помрет – придут добрые люди, помогут.

Майор усмехнулся. Терпи, дружище. Бог любит даже тебя, скотина!

Он поднялся, встал под защиту развесистой осины, глянул вверх – не спикирует ли кто. Некогда ждать.

Майор побежал дальше, сжимая кулаки, подобрал сучковатую корягу, похожую на палицу. Так-то лучше! Открывалось второе дыхание. Ну, кто еще?

Зашевелилось что-то по левую руку, вырос субъект в засаленном комбинезоне и с похожей корягой. Ему лет под сорок, редкие волосы сосульками, лицо заросло седоватой щетиной. На что он надеялся? Этот тип действовал в одиночку и явно не был богатырем. Он выплюнул что-то ругательное, бросился наперерез, вздымая корягу.

Майор был дико уставшим, но чуть не рассмеялся. Идет бычок, качается. Или маневрирует?

Он сделал обманное движение, вроде как подставился, а когда коряга распорола воздух и треснулась о землю, смазал заморыша по виску своей дубиной. Противник повалился как подкошенный, подавился ругательством, но попытался подняться. Заскрипели зубы, изъеденные гнилью, исказилось страшное лицо.

Как же ненавидел майор Романовский эту публику, вообще все, что находилось между Днепром и Японскими островами! Это чувство вьелось в кровь, стало его сущностью. Всех двуногих, населяющих упомянутые земли, он за людей не считал.

Он ударил под подбородок носком ботинка. Хрустнула кость, несчастный покатился поленом, уткнулся в землю носом, разбросал конечности с черными нестриженными ногтями. Есть еще время в запасе?

Романовский подлетел к этому типу, занес корягу, ударил по позвоночнику. Хребет сломался, как ствол усохшего дерева. Мужик трясся в конвульсиях, давился рвотой.

Романовский оскалился. Еще одной нежитью меньше. И совершенно неважно, кто это такой – житель Донбасса, подавшийся в ополченцы, россиянин, приехавший воевать, или вообще ни к чему не причастный мирный житель. Если с Востока, то еще как причастный!

Тут майор краем глаза уловил движение и выбросил локоть. Упорные тренировки не прошли даром. Он попал точно в горло.

Застыла, выпучив глаза, очередная жертва – совсем молодой русоволосый паренек с плаксивым лицом и пушком на щеках. Ни ума, ни фантазии, щенок. По-видимому, майор повредил ему трахею. Парень не мог продохнуть, стоял столбом.

Осталось развить успех. Детский сад какой-то, а не работа.

Он схватил паренька за волосы и толчком, используя подушку ладони, отправил его на бугристый осиновый ствол и услышал треск, уже привычный. Сколько костей майор переломал в течение нескольких минут! Он и сам впал в какую-то прострацию, стоял, тяжело дыша, и пожирал глазами умирающих врагов. Ничего не шевелилось в его сердце. Собакам собачья смерть!

Дед майора Романовского Опанас Григорьевич до начала пятидесятых прятался в лесах на Волынщине, резал, стрелял, сжигал в амбарах совдеповских активистов. Он командовал отрядом, наводящим ужас на москалей, контролировал несколько обширных лесных массивов и даже парочку сел.

Дед погиб в бою, когда карательная рота краснопогонников обложила лес. Полегли все, кто бился с ним плечом к плечу. Святые люди, верные сыны великого Бандеры!

Жена деда, мать малолетнего Тараса тоже погибла от пули. Парень рос сиротой, хранил память об отце с матерью. Он подстраивался под советский режим, который, мягко говоря, недолюбливал.

Сына Тарас воспитал по своему подобию. Будущий майор украинской армии с детства впитал неприятие москалей и исключительность украинской нации – движущей силы мирового прогресса. Он помнил, какие поклоны отбивал отец, простой бухгалтер на винном заводе, в день, когда развалился Советский Союз. С каким восторгом встречал независимость родного государства, сбросившего путы многолетней оккупации.

Тарас бросил работу, вступил в ячейку УНА-УНСО, которые в западных областях начинали действовать почти легально. Стал ярым активистом. Сына он с малолетства приобщил к своей работе. Нещадный психологический прессинг, детские лагеря с патриотическим уклоном – жуткая помесь пионерии, нацизма и скаутского движения.

«Что-то не нравится, сынку? Топаи в детдом!»

Скончался старик полгода назад, в злобе, отчаянии, в неведении что-то изменить в этой стране. Он люто ненавидел все руководство Украины эпохи незалежности. От предпоследнего его трясло, от нынешнего – не меньше.

Такую красивую возможность похерил! Войну не закончил, Крым отдал. Даже глупости говорить красиво не может – фальшивит в каждом слове.

Майор снова бежал, наверстывая упущенное время. Он вилял между деревьями, продираясь через кустарник и снова подмечал краем правого глаза, как нечто перемещается вместе с ним за кочками, по ложбинке, хоронится в кустах. Есть еще персонаж, желающий убить его. Он поджидает подходящего момента.

Лес разрежился, сузились обрывы по краям тропы. Майор замечал камеры видеонаблюдения, закрепленные на деревьях. Устройства современные, последний писк. Вся полоса препятствий у экзаменаторов как на ладони, схалтурить не удастся. Так называемые спонсоры могут себе позволить, у них денег навалом.

До финиша оставалось метров двести. Тяжелый камень выкатился на дорогу. Леонид Тарасович не упустил момент, перепрыгнул через него.

Затрещал кустарник, вылутился последний, самый главный «покемон»! Мужик в расцвете лет, накачанный, челюсть уступом. Били его серьезно, не лицо, а сплошной рубец, но на физическом состоянии это не сказалось. Силы через край, движения уверенные. Он бежал наперерез, собираясь метнуть второй камень.

Майор сменил направление, прыгнул вправо. Ноги тяжелели, проворность была уже не та, что в начале веселых стартов. Но он и мысли не допускал о поражении.

В мужике чувствовалась армейская твердолобость. Он набычился, стиснул зубы. Метатель из него был неважный – майор увернулся.

Противник бросился на таран, распахивая загребушие ручищи! Весовая категория у них была одна, полутяжелая. Но бодаться с этим дядей было глупо.

В обманных вольтах майор поднаторел. Он тоже подался в атаку, но за пару метров до противника рухнул на колено, подался влево, а правую ногу вытянул до упора поперек движения. Мужик споткнулся. С его языка сорвался матерный комментарий. Он замахал руками, валясь плашмя.

Острая боль вспорола икры, но Романовский вытерпел. Он оттолкнулся левой ногой, подался назад, с разворотом ухнул мягким местом на хребет растянувшегося противника, а локтем врезал ему по шее.

Тот всхрапнул, словно лошадь, подавился землей, жухлыми листьями и взбрыкнул. Не иссякла еще сила в утомленных телах.

Романовский ударил второй раз, третий! Противник хрипел и уже не пытался встать. На что он еще способен? Майору не хотелось оставлять это чудовище в тылу.

Он рывком подпрыгнул и начал бить по загривку врага тяжелой подошвой, втаптывать его голову в землю! Когда он опомнился, противник уже не шевелился. Из проломленной затылочной кости выползала жижа, похожая на брусничный кисель.

Неужели они реально верят, что могут одолеть бывалого спецназовца? Впрочем, всякое случалось в этом мире. Двоим претендентам на «черный берет» (категория диверсанта ультракласса, способного выполнять задачи любого уровня сложности) на прошлой неделе переломали ноги. Третьему – капитану Чекану – пробили камнем голову. Он до сих пор валяется в коме. Карьера под откос у всех троих.

Виновников, понятно, не отпустили, как они ни возмущались. Тех, кто выжил в ходе выпускного экзамена, довели до заброшенного карьера и расстреляли на обрыве. Потом подошел бульдозер и засыпал тела каменной крошкой, чтобы местные мальчишки не напоролись.

Финальный отрезок пути он тупо бежал, стараясь не упасть. Испытание изуверское, рассчитано на то, чтобы человек выложился полностью. Упадешь и уже не встанешь.

Майор задыхался, еле тащился. Радужные блики плясали перед глазами. Ноги увязали в спелом мху. Впереди вставали заросли бурьяна. Молодая крапива жалила даже через ткань.

Какой-то шершень прилип ко лбу. Он гнал его, но тот упрямо возвращался и наконец-то впился жалом. Майор размазал его по коже, выпал из кустарника.

Узкая ложбинка плясала перед глазами. Он передвигался по ней, как на ходулях. Мелькали кусты, редкие деревья, оборвался лес.

Видимо, Романовский пробежал лишнего, потому как в спину ему вдруг прозвучало: – На второй круг пошел, майор?

Он испустил облегченный стон, повалился, тяжело дышал и таращился в безоблачное июльское небо. Какое же сегодня число? Двадцатое? Двадцать первое? Элементарные вещи путались в голове.

Рядом одобрительно гудели люди. Кто-то посмеивался.

Над головой майора воздвиглась невысокая кряжистая фигура. Мужчина в камуфляже без знаков различия. Короткая стрижка, седоват, лицо тонкое, лощеное, хотя уже не молодое. Поблескивали очки в позолоченной круглой оправе.

Знаки различия полковнику Главного управления разведки Петру Григорьевичу Хоменко были ни к чему. Его и так знали. Полковник суховато улыбался.

– Поздравляю, Леонид Тарасович! Вы сдали индивидуальный экзамен. Не сказать, что на «отлично», но, в принципе, терпимо. Задержись вы еще на четыре минуты, и диверсионной группе «Кентавр» понадобился бы другой командир.

– Служу Украине, пан полковник! – прохрипел Романовский, судорожно ища точку опоры.

– Не стыдитесь, все в порядке. – Хоменко усмехнулся. – Из вас выжали все соки, набирайтесь сил. Будем считать, что все индивидуальные испытания вы прошли успешно. Я наблюдал за вашим кроссом и, в принципе, доволен. Небольшие замечания. Вы не всегда выверяете силы, мыслите порой прямолинейно, полагаетесь на мышечную массу. Но это детали. У вас еще будет время поработать над собой. Останется проверить умение вашей группы действовать в коллективе.

– Если состоится моя группа, пан полковник, – проворчал майор.

Точка опоры нашлась, но организм не спешил наполняться силами.

– Имею для вас неплохие известия. Похоже, Кустарь, которого вы лишились на прошлой неделе, – единственная потеря группы. Громанько и Стеценко идут по полосам номер пять и шесть. Боюсь сглазить, но пока у них все получается. Пару минут назад я отслеживал по мониторам их работу и в целом доволен. Пичулин пока отстаёт, но будем надеяться, что он всех догонит и перегонит. Приходите в себя и идите болеть за своих хлопцев. Их экзаменационные дорожки за той горкой. – Полковник кивнул в нужную сторону. – Пара часов вам на отдых, потом я жду всех вас в Горчанах. Первая работа в новом качестве не потребует от ваших людей титанических усилий. Но сделать ее надо. Надеюсь, уже завтра мы всем составом перебазиремся в Киев.

Подчиненные майора выбирались из леса, все перепачканные, оборванные, бледные, как поганки, но не побежденные. Они сходили с тропы и валились с ног под одобрительный гул членов комиссии и персонала полигона.

Надрывно кашлял и содрогался рвотными спазмами светловолосый осанистый капитан Олесь Громанько, бывший командир разведвзвода батальона «Мариуполь», прославившегося зачистками мирных поселений вблизи упомянутого города. Он был грязный, как трубочист, держался за разодранную голень, из которой сочилась кровь. К нему спешил санинструктор с чемоданчиком.

Тяжело дышал, приходя в себя, старший лейтенант Влас Стеценко, крепко сбитый, стриженный почти под ноль. Угрюмый, на вид быковатый, но не простак, способен мыслить нетривиально. Впрочем, не сегодня. Камуфляж офицера был густо измазан кровью и какой-то подозрительной слизью.

Кровь сочилась с его кулаков. Парень применял их по полной программе. Ему рассекли висок. Здесь тоже требовалась медицинская помощь.

Последним вышел из леса старший лейтенант Олег Пичулин, уроженец Черновицкой области, бывший комвзвода добровольческого батальона, подтянутый, со смешком в глазах

и угловатым черепом. Сам целый, только бледный, и весь камуфляж в болотной тине. Такое ощущение, будто полз к цели по дну болота. Он нервно подрагивал, смеялся.

Да оно и неудивительно. Камеры бесстрастно зафиксировали, с каким остервенением он отбивался от врагов, осаждавших его. Вооружился жердиной, двоим разнес черепашки. Третий спикировал на него с дерева и схлопотал все три пули, выданные бойцу от щедрот экзаменационной комиссии. Четвертый едва не задушил перспективного диверсанта. Пичулина спас камень, валявшийся поблизости, и умение работать в партере.

Пятый оказался женщиной. Ничего необычного, представительницы слабого пола нередко записываются в ополченцы. Невысокая, коренастая, вполне еще репродуктивная. Ее миловидное лицо исказилось от злобы, когда она набросилась сзади на Пичулина, оседлала его и сдавила горло.

Парню удалось перебросить даму через себя, но та была живучая, трепала его, визжала, вцепилась как репей, прокусила руку ниже плеча. Он бил ее головой о ствол, пока дамочка не испустила дух, и в итоге сам имел такой вид, словно это его черепом кто-то проверял на прочность дерево.

– Мои поздравления, хлопцы, – устало проговорил Романовский. – Слава Украине! – Он выслушал нестройное «Героям слава», сделал значительную мину и продолжил: – И что мы тут сверкаем, как бриллианты? Пока это только начало. Будем считать, что члены группы «Кентавр» подтвердили свою квалификацию, в которой никто и не сомневался. Стрельбы, взрывное дело, рукопашный бой, умение действовать в городских условиях плюс сегодняшний незабываемый кросс с препятствиями, расставивший последние точки. У нас есть два часа на отдых, приведение себя в божеский вид. Потом едем в Горчаны, под светлые очи высокого начальства.

Глава 2

Солнце заходило за дубовую рошу. Гасли краски дня, серебристые блики блуждали по водной глади. Завершалось воскресенье, 24 июля.

Мужчина, сидящий на скамейке в парке, нетерпеливо посмотрел на часы. Связник опаздывал на четыре минуты.

Мужчина был подтянут, сухощав, одет неброско, но со вкусом. Он уткнулся в смартфон и делал вид, что страшно озабочен его содержимым. Причин для паники пока не было. Встречу они назначили в Воткинском парке – на окраине Киева, где находился микрорайон с аналогичным названием – несколько панелек еще советской постройки и парочка недавно заселенных двадцатипятиэтажных свечек. Но дискомфорт в душе уже появлялся. Вечер воскресенья, пробок нет, доехать сюда из центра можно за двадцать минут. В чем проблема-то?

Мужчина достал сигарету, прикурил и стал украдкой осматриваться. Парк не отличался размерами. Липы, дубы, буйная акация обрамляли аллеи. В центре возвышался бездействующий фонтан. Дорожка, вымощенная плиткой, вела к симпатичному полукруглому мостику, окрашенному в цвета радуги.

Речушка Вережка – неширокая, но местами опасная для купания – огибала парк и уносила за город, в окрестные леса. Берега ее не были приспособлены для пляжного отдыха, но находились смельчаки, иногда даже трезвые, не отказывающие себе в удовольствии искупаться. День был жаркий, безветренный. Даже к вечеру еще парило.

Мужчина выждал несколько минут. Ему становилось не по себе. Не первый год на опасном поприще, шестое чувство подводило редко.

В парке былолюдно. Гуляли молодые семьи с колясками и без, вокруг фонтана тусовалась молодежь с музыкой.

На лавочке напротив с постными минами восседала чета пенсионеров. Прожили рядом всю жизнь, разговаривать не о чем. Женщина читала книгу, мужчина занимался тем же. Только книга у него была электронная, а изо рта торчала электронная сигарета. Да и сам он был какой-то «электронный» – благообразный, лоснящийся. Женщина закрыла книгу, посмотрела на часы. Супруг уловил ее движение. Оба, как по команде, встали и направились к мосту, от которого тянулась пешеходная дорожка к жилому массиву.

На лавочке справа веселились модно одетые девчушки. Обсуждали находчивую подружку, ловко забеременевшую от нужного молодого человека. Дескать, сделала папу из простого парня, у которого тоже есть папа, но не простой, а с дачкой на Мальдивах.

Мужчина поднялся, убрал телефон в карман. Десять минут – уже опоздание. В принципе, ничего катастрофического. Мало ли что могло случиться.

Он прошелся по дорожке, выбрал из парка, поднялся на «радужный» мостик, где любили фотографироваться представители нетрадиционной сексуальной ориентации. Сегодня ничего нетрадиционного тут не происходило. Он прислонился к перилам.

Мимо, в сторону микрорайона, прошла разнополая пара. Молодые люди выясняли отношения. Мужчина снова закурил, скомкал пустую пачку, хотел выбросить в речку, но передумал, сунул в карман.

Солнце продолжало погружаться в шапку листвы. Из парка разливалась музыка, смеялись люди. Воткинский парк был единственным местом в округе, приспособленным для прогулок. Мужчина повернулся к воде, облокотился на низкие перила. Речушка огибала городские окраины и уходила за черту урбанизации.

Метрах в двухстах слева находилась лодочная станция. Там берег сглаживался, виднелся дощатый причал с пирсом. На воде покачивались лодочки. Пацаны мелкого школьного воз-

раста ныряли в воду. Они разбегались по пирсу и виртуозно влетали в серую муть. Реку только в этой части города питали стоки нескольких предприятий.

Мужчина засмотрелся на пацанов. Помнится, вот так же, лет тридцать назад... Правда, не в этом городе, да и не в этой стране. Впрочем, тогда она была одна, в ней всем хватало места. Нынче принято ее ругать, но в сравнении с нынешними это была вполне приличная страна.

Он оторвался от созерцания, повернулся. В горле пересохло, стало дурно. Но он не подал вида.

Рядом стоял человек в штатском и с любопытством его разглядывал. Слегка за тридцать, аккуратный пробор, въедливый взгляд глубоко посаженных глаз.

Включилось боковое зрение – справа и слева еще по одному. Такие же «штатские», спортивные бобрики, молодые, сдержанные. Под мостом с обеих сторон стояли еще двое. Курили, делали вид, что они такие, как все. Но их же видно за версту. Название ведомства, где они трудятся, отпечатано на лбах заглавными буквами!

Мужчина, проявляя выдержку, удивленно поднял брови и спросил:

– Хотите прикурить?

Его визави сухо засмеялся.

– Спасибо, не курю и вам не советую. Курение катастрофически влияет на здоровье. Гражданин Каминский Алексей Миронович?

– Мы знакомы? – Мужчина нахмурился.

Тут же напряглись младшие чины, стоящие по бокам, простые оперативники, не обремененные информацией, зато по горло компетентные!

– Думаю, да, Алексей Миронович. Нас не представляли, но мы сталкивались в переходах вашего ведомства и некоторых смежных организаций. Вы являетесь заместителем начальника департамента планирования и анализа Главного управления разведки Министерства обороны, не так ли? Капитан Кулинич, рад представиться.

– Что за цирк, капитан? – процедил Каминский. – Что это значит? – Он покосился на парней, которые приблизились к нему с недвусмысленными минами.

– Прекращайте, Алексей Миронович. Нам все известно. Вас долго разрабатывали и наконец-то раскрутили. Как говорят у вас в России, сколь веревочка ни вейся... Ваш связник Любецкий не придет, напрасно его ждете. В данный момент он арестован моими коллегами из Службы безопасности Украины и уже дает признательные показания. Ваша подпольная сеть раскрыта, с чем вас и поздравляю. – Кулинич не смог сдержать торжества, в глазах его заискрился победный блеск. – Вы арестованы, гражданин Каминский, по обвинению в пособничестве террористам и создании преступной организации с целью свержения законной украинской власти. Не стоит отпираться. Лазутчики и предатели есть не только у нас. Хочу обрадовать, один из ваших чинов, занимающий приличную должность, завербован нашими американскими коллегами и охотно сливает членов вашей партии... хм, зеленых человечков, так сказать. Молчите, Алексей Миронович? Это разумно. Ордер на арест – вот, пожалуйста. Прошу проследовать за нами, пока без наручников. Машина поджидает на выходе из парка. Вы же не будете шуметь при детях? – Кулинич покосился на шумную компанию подростков со смартфонами, топающих по мосту.

– Подождите, капитан. – Каминский усиленно тянул резину, искал выход. – Это произвол! Вы даже не представляете, с кем связались...

– Неужели? – Кулинич язвительно засмеялся. – А мне, Алексей Миронович, представляется, что мы связались с глубоко законспирированным российским агентом, который уже нанес существенный урон обороноспособности молодого украинского государства. Вам нужны доказательства? Прямо здесь? Или проследуем для начала в застенки, где вас заждались? На пятнадцать суток, так сказать? – Кулиничу понравилась собственная шутка, и он тихо засме-

ялся. – Вы же правильно понимаете ситуацию, господин капитан, или какое у вас там звание на родине? Из застенков вы уже не выйдете. Никогда! – Он выделил последнее слово и подавился.

Кулак пробил накачанный пресс! Кулинич вытаращил глаза, закашлялся. Каминский оттолкнул его к противоположным перилам, чтобы не мешался, ударил в сторону правой ногой. Он никогда не хвастался перед коллегами тем, что плотно занимался восточными единоборствами!

Носок модного ботинка вонзился в бедро оперативника. Парень взвизгнул от боли, согнулся. Его напарник попятился и запустил руку под ветровку, где наверняка находилась кобура. В глазах его отразилась растерянность, такого он не ожидал. А ведь должен был предвидеть, debil!

Каминский прыгнул на него, схватил за ворот обеими руками, поставил подножку и оттолкнул. Оперативник СБУ загремел на дощатый настил, покатился по нему. Пистолет запрыгал по доскам, пролетел между балясинами и бултыхнулся в воду. Вот точно debil!

Трое нейтрализованы. У всей компании болевой шок.

С двух сторон на мост бежали люди с встревоженными лицами. Целый отдел пошел на задержание особо опасного российского разведчика!

Каминский задушил отчаяние. Такая работа, бывает и хуже.

Он без разбега запрыгнул на перила моста, оттолкнулся ногой. Ветер засвистел в ушах.

Этот человек был в прекрасной физической форме. В управлении считался чуть ли не лондонским денди, всегда выбрит, надушен, элегантно одет. Но он все же был твердо убежден в том, что главный мужской салон красоты – спортзал!

Алексей плавно вошел в воду, разрезал ее почти до дна. Благо глубина в этом месте была приличной. Он был ошарашен, сбит с толку и все же не потерял самообладания, энергично работал руками.

Сквозь мутную воду проступало дно, заваленное отнюдь не обломками кораблекрушения. Течение несло человека на запад от моста. Кислорода в легких пока хватало, успел глотнуть перед прыжком. Он греб, насколько хватало сил, держась подальше от поверхности. Мешали туфли и одежда, но скидывать их нельзя.

Каминский уже выдыхался, зацепился штаниной за какую-то железку, вросшую в дно, извернулся, оцарапав лодыжку. Кончился воздух в легких, потемнело в глазах.

Он вынырнул, хватанул воздуха. Дьявол! Его отнесло от моста не так уж далеко – метров на семьдесят. По берегу бегали люди и стреляли. Из парка доносились встревоженные крики, разбегались отдыхающие. Эти кретины из СБУ не могут без стрельбы!

На мосту приплясывал капитан Кулинич с искаженным лицом. Эти придурки еще стреляли, с такой-то дистанции!

– Прекратить огонь! – опомнился Кулинич. – Не стрелять, кретины!

Люди побежали по обоим берегам. Тряслись кусты. Оперативников было много. Они бы еще армию сюда пригнали!

Кто-то оступился, вскрикнул. Нога оперативника скользнула с глинистого обрыва, он успел за что-то схватиться, иначе спикировал бы в воду.

Каминский снова плыл, вертя головой. Несколько человек бежали по берегу, через кусты.

Алексей поравнялся с лодочной станцией. Успеет ли на нее выскочить? Нет, поздно!

По причалу уже топали двое мускулистых парней, что-то орали. Там стояли лодки. Все привязанные, запертые.

Один из парней запрыгнул в первую попавшуюся посудину. Она угрожающе закачалась, он чуть не вывалился в воду, выхватил пистолет и стал палить в стальную цепочку, надеясь перебить ее. Но подобный номер проходит только в фильмах.

Пули рикошетили от металла. Одна из них чуть не задела напарника, который пританцовывал на причале. Тот метнулся в сторону и подверг товарища испепеляющей критике, выражаемой крайне нецензурно. Тот плевался от злости, выбрался из лодки.

У второго сработала рация. Он что-то бубнил в нее.

Каминский проплыл мимо станции, обернулся. Сотрудники СБУ яростно спорили. Несостоявшийся лодочник начал сбрасывать с себя одежду.

Второй побежал вдоль причала, забрался в последнюю посудину. Шальное счастье – нет замка! Он что-то торжествующе завопил и взялся за весла.

Второй опомнился, схватил в охапку снятую одежду, заспешил к товарищу, наступая на собственные брюки. Ничего, пару годиков еще потренируются, и все у них будет получаться.

– Каминский, сдавайтесь, не отягощайте свою вину! – донесся вопль от моста.

Этот крик только подстегнул Алексея, прибавил ему сил, хотя и ненадолго. Каминский был неплохим пловцом, но уже выдыхался.

Кольцо снова сжималось. От станции отделилась лодочка. Оперативник усердно работал веслами.

Алексей плыл по инерции и оценивал ситуацию. Через пару минут его догонят, дадут веслом по голове, а там уже дело техники. На правом берегу тоже ничего хорошего. Молодой ивняк, отдельные отлогие участки, заваленные глиняными комьями.

Погоня там вырвалась вперед. Трое добежали до излучины, высыпали на полосу пляжа, поджидали его. Кто-то подволакивал длинную жердину.

Очень мило. Река в том месте сужается. Течение обязательно отнесет его к берегу. Не получит веслом, все равно перепадет жердиной.

Здравый смысл подсказывал ему, что он должен выбраться на берег до излучины. Выбора не оставалось. В районе моста уже работал лодочный мотор. Кулинич сообразил, как можно догнать беглеца.

Кусты справа, метрах в тридцати, за ними лес. Город в этом месте обрывался решительно и бесповоротно. До излучины метров сто с гаком. Справа крохотный заливчик с обрывистым берегом, оплетенным корнями.

Каминский набрал воздуха, ушел под воду. Направление известно, он должен справиться с течением, чего бы это ни стоило! Алексей рывками плыл под водой, преодолевая сопротивление реки. Приблизилось речное дно, его устилали камни, голые коряги.

Глубина реки уменьшалась. Вот и берег. Пловца сносило, он извивался, прикладывал усилия, чтобы не сбиться с курса. Он схватился за жилистый корень, торчащий из обрыва, высунул голову за порцией кислорода. Его отнесло по течению – не критично, на пару метров.

За спиной трещал лодочный мотор, ругались люди. Моторка чуть не столкнулась с весельной лодкой, угнанной оперативниками. Над рекой висела густая матерщина.

Впереди по курсу тоже ругались. Эти с жердиной не поняли, куда делся беглец. Ведь минуту назад он был тут!

Каминский погрузился в воду. Хорошо, что не осень – вода теплая. Он перебирал руками, смещаясь к бухте. Даже под водой было слышно, как истерят люди, находящиеся при исполнении. Может, беглец помер, захлебнулся, не рассчитав силы? Почему бы нет. Именно так, вызывайте водолазов, ищите утопленника!

Каминский выполз на берег и поспешил забраться в кусты. Он, как уж, ввертывался в переплетение стеблей. Ну и куда ему в таком виде? На люди не выйдешь. Отсиживаться в овраге, уповав на помощь добрых людей?

Сперва он полз по ивняку, потом не выдержал, побежал. Затряслись ветки, пошла волна по зарослям.

– Недоумки, он в кустах! – завопил кто-то с лодки. – Хватайте его, отрежьте ему дорогу!

Хорошо, что не голову. Он снова был полон сил. Нельзя сдаваться.

Секретные тюрьмы СБУ – не лучшее место для отдыха. Сотрудники этой конторы выслуживаются перед западными хозяевами, перенимают бесценный опыт. Оттуда не выйдешь, все равно все расскажешь – превратят в отбивную. Не поможет, будут накачивать сывороткой правды и прочей химией. Потом сам загнешься либо помогут. А он ведь кладезь информации.

Каминский оступися, съехал с кочки, выкатился на открытое пространство. Травянистый косогор, за ним грунтовая дорога, вернее, отрезок между поворотами. Дальше лес на пригорке.

Он бежал по высокой траве, срывая дыхание. За спиной не стреляли, никто не кричал, что его видит. Да пребудет с ним удача!

Алексей припустил к лесу, ворвался в кустарник, обнаружил тропу справа, побежал к ней. Шум впереди и сзади. В ушах звенело, он плохо соображал после пребывания в воде. Встал, привалился к дереву, начал соображать, где находится и что с этим делать.

Разделить шум было трудно. Все сливалось, превращалось в какофонию. Впереди и сзади были люди. По тропе от реки бежали двое из тех, что ждали у излучины.

Он спрятался за массивную сосну, прилип к ней спиной. Его не засекли, но, видимо, поняли, куда он побежал. Парни топали по тропе, тяжело дышали. Передний сжимал табельную «беретту». Наблюдательностью они не отличались, иначе обнаружили бы тело, сросшееся с деревом.

Пропускать их было глупо. Тогда они будут везде.

Алексей выставил ногу. Первый парень запнулся, красиво кувыркнулся через нее и с воем растянулся на тропе. Пистолет полетел в кустарник. Второй споткнулся о первого, повалился на него, испустил короткий, но внятный матерок. Возникла неразбериха.

Верхний тип скатился с товарища, начал подниматься. Он вскрикнул, когда из-за дерева на него набросился мокрый мужик. Удар носком по челюсти повалил его обратно, в гущу прошлогодней листвы, и лишил сознания.

Подлетел первый, молодой, сил не занимать, кинулся на Каминского, растопырив руки. Алексей нагнулся. Тот налетел грудью на его макушку, оторопел, дыхание перехватило. Правой рукой за левое бедро, рывок на себя, и соперник рухнул на хребтину.

Злоба плясала в его глазах, он кряхтел, поднимался, стонал от боли в отбитом позвоночнике. Но парню снова не повезло. Он пропустил крепкий удар кулаком в челюсть и занялся просмотром программы «Спокойной ночи, малыши!».

Тяжело дыша, сжимая кулаки, Алексей стоял посреди тропы. Ощущение опасности било в набат! Эти двое угрозы не представляли, временно выбыли из гонки. Оба жалобно стонали, а он чего-то ждал.

Чего?! Пистолет искать некогда, а вот телефон не помешает, учитывая, что свой перешел в разряд уопленников. Карман у парня характерно оттопыривался. Каминский нагнулся и вытащил небольшой мобильник.

На тропе появились еще несколько человек, засекли его, разразились криками. Алексей опять побежал.

Шумы впереди ему не почудились. Не прошло и минуты, как он вылетел на поляну. Здесь гуляли люди. Тихо мурлыкала магнитола, у которой, видимо, батарейки садились. Двое мужиков разводили огонь в импровизированном мангале из кирпичей. На покрывале восседали две бабы лет тридцати, обе простоватые, без претензий. Одна насаживала мясо на шампуры, другая резала помидоры. На покрывале валялась какая-то снедь и нераспечатанная бутылка горилки.

Обычное дело, граждане уходят в леса, чтобы отметить завершение последнего выходного дня. Река их не волнует – только мясо, выпивка и общение с противоположным полом.

Алексей вылетел прямо на них и едва успел свернуть. За спиной трещали сучья, кто-то передергивал затвор.

Последовала немая сцена. На беглеца взглянули мужики, колдующие над огнем. Выступила худая дама в сарафане. Не красавица, конечно, но с фигурой все в порядке, в отличие от второй, которую проще было перепрыгнуть, чем обойти.

Толстуха надулась, стала подниматься. На ней уморительно смотрелись короткие шортики и майка-топ.

– Ребята, помогите! – прохрипел Каминский, перепрыгивая через рюкзаки. – За мной гонится русская мафия!

Из дальних кустов высовывался капот стареньких «Жигулей». Значит, проселок рядом.

Он одолел поляну, кинулся за деревья и обернулся. Участники застолья растерянно озирались. На поляне возникли трое запыхавшихся оперативных работников.

Упитанная женщина подскочила и бросилась наперерез. Сбила корпусом одного – он покатился по траве, повалила другого. Немудрено – такой бомбовоз!

На поляне вспыхнула перепалка.

– Мы из СБУ! – горланил пострадавший рыцарь плаща и кинжала.

Каминский покосился на машину, съехавшую с грунтовки, перескочил колею. Лесная дорога петляла между деревьями и кустами. Ломая молодые побеги, он скатился в балку и помчался по ее дну, заросшему молодыми кустиками.

Ему даже не верилось, что удалось оторваться от погони. Он выбрался из оврага, спустился в соседний и быстро шел по нему, пока тот не стал сглаживаться. Алексей несколько раз менял направление, лез через кусты, потом в изнеможении рухнул под деревом и стал приводить в порядок дыхание.

Он ощупал лицо и волосы и подумал, что в душе у него еще осталось место для самоиронии. Куда подевался франтоватый офицер из засекреченного подразделения Министерства обороны динамично развивающегося демократического государства? Увы, не будет больше такого персонажа.

Возможно, исчезнет и его «альтер эго» – майор российского ГРУ Алексей Петрович Симоненко, успешно вжившийся в роль офицера украинской разведки. Обменивать не станут, тихо убьют, зароят, а потом объявят, что не было такого парня. То, что заявляет по этому поводу Россия, – очередная провокация.

Он успокоился, прислушался. Надо мириться с этой новой реальностью. Если в верхах российской разведки обнаружился предатель, значит, будет вскрыта вся агентурная сеть. Грядет очередной чемпионат по арестам. Отряхиваться и чистить перышки бесполезно – краше не станет.

Каминский прислушался. Звуки погони давно затихли, уважаемые украинские чекисты отстали. В стороне гудели машины. Где-то рядом работала тяжелая техника, скорее всего, экскаваторы.

Да, конечно! Он находился в окрестностях Охтоминского щебеночного карьера, каким-то чудом выжившего в сложное для страны время. Местность глуховатая, но это даже к лучшему.

Он вытащил свой телефон, повертел, попытался включить, отсоединил аккумулятор, вылил воду. Народная примета: утопление телефона – к покупке нового. Хорошо, что запаса вторым, а все нужные номера сидят в голове.

Поколебавшись, Алексей набрал номер. Зарядка кончалась, но ему хватит. Защемило сердце. А вдруг и по этим ребятам прошелся беспощадный молох?

Двое коллег, которым он доверял, проживали в Лещихе, имели железное прикрытие и ненормированный рабочий день. Об их существовании не знал не только предатель, но и вообще никто, кроме Каминского и его непосредственного куратора.

Абонент отозвался. Слава богу! Пот прошиб от волнения.

– Дизайнер, это Рысь, – дрогнувшим голосом сообщил Каминский.

– Э-э, думаю, вы ошиблись, уважаемый... – начал абонент.

– Андрюха, прекращай! – устало проговорил агент. – Это Каминский. Все провалено. Нужно делать ноги. Говорю с телефона сотрудника СБУ, которого вырубил. Не думаю, что аппарат прослушивается. Нет у СБУ таких денег. Извини, Дизайнер, но положение критическое, других способов связи у меня нет.

– Полагаю, вы ошибаетесь. – Абонент колебался, но условного сигнала, что говорит под контролем, не подавал.

– Вариант «Гамма», – настаивал Каминский. – Сеть слили в Москве при поддержке светлых голов из натовской разведки. Меня уже не пасут, Андрюха, я оторвался. Связник провален, его взяли. Подозреваю, что других тоже. Вытаскивай меня, я не могу долго куковать в этом лесу. Ты бы видел, на кого я похож. Если к ночи не приму горячую ванну, то воспаление легких обеспечено.

– Черт, Петруха, ты где? Что случилось? – Надежный человек, последний в этом городе, начал прозревать. – Слушай, я сейчас занят по официальной работе, сижу у клиента, обсуждаем заказ. Супруга ждет в машине под домом.

– Вытаскивайте меня, – повторил Каминский и разразился надрывным кашлем. – Двенадцатый километр Западного шоссе. К нему примыкает грунтовая дорога. Не доезжая Охтоминского карьера, увидишь развилку, повернешь направо, пройдешь и снова направо. Это тоже дорога, но она не используется. Углубишься в лес, увидишь заброшенные дачи. Я буду там через тридцать минут. Подвези одежду, любую, но чтобы не вызвала вопросов. Доставишь меня в безопасное место, там решим, что делать. Давай, Дизайнер, отделивайся от клиента под благовидным предлогом, жду. Что случится, звони на этот телефон. Ребята из СБУ не успеют так быстро его оприходовать.

Он переоценил свои возможности. Добраться за полчаса до нужного места оказалось нереально. Уже смеркалось, ноги еле волоклись, голова наливалась тяжестью.

Лес был обитаемым. С одной стороны смеялись женщины, в другой ругались мужчины. Он не желал ни с кем встречаться.

Когда Алексей пролез через кустарник и вышел к заброшенным дачам, сумерки уже сгустились. Но бледная видимость сохранялась. Каминский потащился к забору, заросшему бурьяном.

Заброшенные дачки, каждая чуть больше собачьей конуры, тоже были окружены сорняками. На огородах колосился осот. Здесь не жили даже бомжи, избалованные городскими удобствами. Окна выбиты, двери болтались на петлях. Все мало-мальски ликвидное давно вывезено. На крайних участках недавно свирепствовал пожар, и от строений уцелело немного.

Серебристый «Форд» стоял между сгоревшими дачами. Обе дверцы с левого борта были распахнуты. На переднем кресле проявлялась фигура водителя.

Каминский досадливо крикнул. Помощник и жену с собой привез. В принципе, логично. Куда бы он ее дел? Алена тоже крепкий орешек. Если почувствует, что мужу угрожает опасность, прилипнет как банный лист. Дескать, вместе будем умирать, никуда без меня не поедешь.

Пассажиры сохраняли молчание. Что-то не так. Уснули и не видят, как он приближается к ним?

Он добрался до машины, заглянул внутрь и похолодел. Ноги пристыли к земле. Ему словно кто-то ввел инъекцию парализующего вещества.

Все, что Алексей делал в последние два часа, гроша ломаного не стоило! По его вине погибли люди! Андрюха Януш, помощник Каминского, засекреченный даже для своих, сидел в водительском кресле, откинув голову. В левом виске чернело входное пулевое отверстие. Половина салона была забрызгана кровью.

На заднем сиденье лежала, завалившись на бок, его жена, тридцатилетняя красавица Алена. Из распахнутых глаз сочилось отчаяние. Две пули в груди, третья в голове. Дорогие чехлы пропитались кровью.

Перед смертью, когда убийца направил на нее пистолет с глушителем, она все поняла, не кричала, знала, что ничего не изменит. Какой смысл в этой жизни без любимого мужа, который погиб первым?

«Беги!» – ужалила мысль.

Каминский попятился. За его спиной кто-то деликатно кашлянул.

Он обернулся, сжимая кулаки. Позади Алексея, растянувшись в ломаную шеренгу, стояли четверо и смотрели на него, как на новый айфон. Без головных уборов, в бронежилетах поверх гражданской одежды. Они держали короткоствольные автоматы, но не торопились пускать их в дело.

«Спецназ управления военной разведки, – мелькнула безрадостная мысль. – Умные натасканные звери. Это не парни из СБУ с незаконченным высшим образованием и такой же подготовкой. Это все. Ты проживешь ровно столько, сколько им нужно для получения и подтверждения информации. Так сделай хоть что-то, чтобы не было мучительно больно за решеткой!»

Он бросился на ладно сложенного светловолосого парня. Тот отклонился, ударил Каминского прикладом по виску. Ноги незадачливого беглеца сложились, он ничком повалился в траву. Сознание устояло, невзирая на адскую боль.

Валяться под ногами фашистов было ниже его достоинства. Он стал подниматься, упираясь ладонями в землю. Голова превратилась в пудовую гирию, тянула вниз. Автоматчики неторопливо окружили Алексея. Приказа делать из него отбивную, а потом мертвеца у них пока не было.

– Не перестарался, Громанько? – поинтересовался обладатель запоминающегося баритона.

– Не, пан майор, – растягивая гласные, сообщил подчиненный. – Так, погладил. Отклонил, так сказать, заявку в друзья. А чего он бросается на стволы? Герой, что ли? – Парень витиевато выругался.

Каминский оценил эту тираду и выхаркнул сдавленный смешок.

Мужчины удивленно переглянулись. Один из них опустился на колени, посмотрел ему в глаза.

– Он смеется, что ли? – проговорил приземистый боец с гладко выбритым черепом. – С ума сошел? Может, наподдать ему, пан майор?

– Отставить, – проворчал старший группы. – Такому наподдашь, он богу душу отдаст, а оживлять дохлых москалей мы пока не обучены. Эй, любезный! – Пан майор постучал пальцем по голове беглеца. – Вы с нами? Слышите нас? Каминский Алексей Миронович, да? Мы не ошиблись?

– Не ошиблись, – сказал подтянутый спецназовец с ортогональным черепом. – Он это, гнида. Мы же фото видели.

– Можем проверить, – заявил светловолосый парень. – Вопрос на засыпку, милейший. Кто воюет в Донбассе: ополченцы против хунты или террористы против законного правительства?

– Да пошел ты... – прошептал Каминский.

Голова у него кружилась и плющилась от боли. Он едва держался.

– Кто бы сомневался, – с усмешкой проговорил командир. – Неразговорчивый он какой-то. Спешу сообщить вам, Алексей Миронович, что вы закончили свое незабываемое выступление. Теперь вам будет что вспомнить, сидя в сыром и холодном каземате. Вас не убьют. Это хорошая новость. Все остальные плохие. Порадовать нечем. Назревает увлекательная игра с

вашими боссами. Надеюсь, вы примете в ней участие. Впрочем, от вашего согласия мало что зависит. Кстати, хочу представиться. Майор Романовский, группа «Кентавр».

– Можете не представляться. Спецгруппа для выполнения особых поручений начальника Главного управления разведки, куда набирают конченных моральных уродов.

– Нет, видимо, придется заставить его сдать анализы, – задумчиво вымолвил Громанько. Майор Романовский сказал:

– Чем, собственно, и гордимся, Алексей Миронович. Не смотрите на нас, как пойманный партизан на немецко-фашистского захватчика. Это не мы пришли на вашу землю, а вы – на нашу. Поэтому требуются ли нам какие-то индульгенции?

– Зачем вы убили этих людей? – спросил Алексей и повернул голову к машине.

– Они нам не нужны, – сухо пояснил майор. – С ними все ясно, они сами выбрали свой путь. Эти персоны не являлись переносчиками особо важных сведений и вряд ли когда-нибудь стали бы предметом торга. Последнее свое предназначение они выполнили, вывели на вас. Ведь не по запаху мы вас нашли, верно?

– Эта баба – не последняя красивая особа в мире, – заявил бритоголовый Стеценко. – Хотя ножки, конечно, классные.

– Да толку от них, – проворчал Громанько. – Предпочитаю женские ножки у себя на плечах.

Диверсанты заржали.

Каминский рванулся, хотел схватить майора за ноги. Но тот предвидел нечто подобное, ударил ботинком по виску. Алексей завалился в траву, потеряв сознание.

Майор задумчиво наблюдал, как подчиненные волокли пленника на другой конец необитаемого поселка, где была припрятана машина. Хлопнула крышка багажника. Там самое место для таких героев.

Бойцы вернулись. Они задумчиво разглядывали «Форд» с распахнутыми дверьми и жутковатым содержимым.

Романовский связался по телефону с полковником Хоменко. Куратор ждал доклад, благосклонно выслушал отчет подчиненного и довольно хмыкнул.

– Я так понимаю, господин полковник, что у нас двойной праздник, – вкрадчиво сказал Романовский. – Мы изловили крупную рыбу, у которой имелись все шансы уплыть, и утерли нос доблестной СБУ, которая даже толпой не смогла задержать преступника.

– А что возьмешь с нашей СБУ, – проговорил полковник, у которого быстро поднималось настроение. – У них идиотизм передается половым путем, им нельзя доверить даже охрану подпольного казино. Пусть обтекают, заслужили.

– А подчистить-то они могут после нас? – осторожно поинтересовался Романовский.

– Насвинячили, майор?

– Есть немного. – Романовский покосился на «Форд», у которого мялись и покуривали бойцы группы. – Семейство Януш, как вы и советовали, ликвидировано в полном составе. Они тут несколько вызывающе смотрятся. Если появятся посторонние...

– Хорошо, я сообщу куда следует. Дайте координаты, дождитесь прибытия, а пока отгоняйте посторонних. Вы не сильно сегодня устали? Через два часа прошу всей группой в мой кабинет, есть одна работенка. И пусть вас не смущает, майор, что уже будет ночь.

Глава 3

По столу полковника Хоменко ползла упитанная муха с лоснящимися боками. Взоры присутствующих сконцентрировались на ней. Люди наблюдали за мухой, как кот из засады – за птичкой, затаили дыхание.

В руке полковника возникла мухобойка, за сим последовали короткий взмах и звучный шлепок. Видимо, не впервые, рука набита. Надо же отвлекаться от нагромождения текущих дел. Прибитая муха упала на пол кверху лапками.

– Какая гадость! – сказал полковник, поморщился и замел ее мухобойкой под стол.

Техничка выбросит.

Присутствующие зашевелились. Полковник посмотрел на них свысока, поднялся из-за стола, дошел до окна и скрестил руки на груди.

Над градом Киевом разгорался новый летний день. Разбегались перистые облака, солнце начинало припекать. Управление находилось в здании на Рыбальском острове, который никогда не являлся частью суши, со всех сторон окруженной водой, на правом берегу Днепра, между Оболонью и Подолом. Впрочем, красоты окружающей местности из кабинета не просматривались. Полковнику приходилось довольствоваться видом на охраняемую парковку, часть двора с решетчатым забором и глухую стену соседнего здания. Эта картина, как и всегда, раздражала его.

Полковник повернулся, смерил взглядом людей, сидящих за столом. Они почтительно молчали. Из группы «Кентавр» в кабинете присутствовали только двое.

Прошло трое суток с момента задержания российского агента Каминского. За это время кое-что изменилось.

Полковник поморщился. Некрасиво как-то вышло с Каминским, который после ареста и небольшого межведомственного скандала был переведен в секретный изолятор СБУ. После первых допросов на нем не осталось живого места. Молчал как рыба, на контакт не шел. На обещания обменять его на украинских офицеров, томящихся в застенках террористов, только усмехался.

На третий день намечался допрос с применением средств химического воздействия. Для устранения недопонимания, так сказать. Но эта беседа не состоялась. Утром вертухай нашел Каминского в камере мертвым. У него банально остановилось сердце.

Полковник искренне не понимал, как сотрудники СБУ могли допустить такое. Ведь вражескому агенту явно стало плохо после допросов, но никто не вызвал врача, не озаботился здоровьем арестованного. Разве можно быть такими откровенными крестинами?

Ладно, эту историю замяли. Украинские спецслужбы вроде как ничего не проиграли, даже хорошенько тряхнули агентурную сеть российского ГРУ.

Новая тема не имела отношения к вражеским агентам. Властям молодого европейского государства срочно понадобились диверсии в Крыму. Не просто парочка петард у ворот войсковых частей, а нормальные диверсии – шумные, резонансные, с большим количеством жертв и возможностью списания произошедшего на российские спецслужбы. Требовался сильный удар по туристической индустрии полуострова, а то зачастили туда россияне.

Крым не процветал, но угрожающие для Киева признаки стабилизации экономики и социальной сферы были налицо. Торговая блокада потерпела фиаско. Морская оказалась пшиком. Энергетическая не затянулась.

Ставка на межнациональные конфликты тоже не выгорела. Татары и украинцы жили в Крыму нормально. Не сказать, что этническое большинство сильно притесняло их. Зверства ФСБ на полуострове были несколько преувеличены.

Требовалась дестабилизация всей ситуации. Целью был не только и не столько туризм.

Беспокойный регион – это отказ от инвестиций, усиление военной группировки в Крыму, ужесточение санкций против России, о снятии которых все чаще твердили западные политики. Их отмена – это гибель украинского государства. Исчезнет образ врага, и оно станет никому не нужным, прервется западная помощь, вырастут цены, страну захлестнет безработица. Добро пожаловать на новый Майдан, который разрушительной волной смывает тех, кто со всеми удобствами разместился на властных постах.

Коллегам из НАТО образ врага тоже нисколько не мешал. Хотя в этом у них было полное понимание с украинскими партнерами.

Пару месяцев назад уже предпринимались попытки провести в Крыму диверсии. Но не на тех поставили американские товарищи. Российские спецслужбы переиграли своих украинских коллег. Взрывы на ЛЭП и в пансионате «Береговое» не состоялись. Спецназ, заброшенный в Крым, был ликвидирован, агентурная сеть провалена, по счастью, не вся.

Мир не содрогнулся от зверств украинских властей. Они успели подчистить за собой. Но и свалить все это на аморальную ФСБ не удалось. Забуксовала пропагандистская машина. Натовская разведка тогда сильно встревожилась, устранилась от происходящего. Но обошлось.

Теперь они снова тут. Мол, не останавливайтесь, господа украинцы, нужна срочная дестабилизация, на вас с надеждой взирает цивилизованный мир. Жертвы не имеют значения. Они приносятся ради будущего миропорядка, в котором не будет места зарвавшейся варварской России, всем станут править мудрые головы с Капитолийского холма.

Вопрос решался на самом верху. Были колебания, нерешительность, обычный человеческий страх. А вдруг все узнают?

Но у «мирового сообщества» имелись надежные рычаги воздействия. Операцию засекретили, к делу привлекли опытных и преданных работников, которые никогда не заговорят в случае провала.

Три дня назад полковник Хоменко донес до сведения майора Романовского основные моменты полученного задания. Не стоило нести пургу о том, какая это честь, – заниматься словоблудием. Подобные речи только бесят настоящего профессионала.

Управление разведки Министерства обороны формировало две диверсионные группы. Одна основная, вторая – вспомогательная, для отвлекающего маневра. Четыре человека в первой, шесть – во второй. Люди получали взрывчатку, документы, подробные инструкции, пароли для связи с агентами. Умирать от майора Романовского никто не требовал, но работа ему и его подчиненным предстояла сложная.

Полковник Хоменко вкрадчивой походкой добрался до стола, сел, постучал мухобойкой по бедру и пристально посмотрел на людей, которым доверил важное дело. От них зависело его будущее. У всех боевое прошлое, опыт работы в сложных ситуациях. Вся группа сдала экзамен на «черный берет». Таково было обязательное условие, выдвинутое заокеанскими партнерами.

Впрочем, в кабинете находились только двое. Оба в штатском, без всяких своих спецназовских примочек. Майор Романовский и старший лейтенант Пичулин. Оба проявляли выдержку, не спешили лезть с докладом.

– Я слушаю, Леонид Тарасович, – негромко сказал полковник. – С вас подробный отчет.

– Капитан Громанько и старший лейтенант Стеценко два дня назад по вашему приказу под видом туристов выехали в Крым, – сухо начал майор. – Для прохождения границы после тщательного анализа был выбран пограничный пункт «Север». Режим пропуска там обычный, но местность за постом сильно изрезана. Думаю, это место можно использовать и в дальнейшем. Мои люди передвигались налегке, ничего компрометирующего, по документам граждане Украины, жители Харьковской области. Согласно легенде, оба – труженики автосервиса. Машина, на которой они отправились в путешествие, – «Лада» девятой модели, девяносто пятого года выпуска. Она чистая, нигде не фигурирует. Инцидентов на посту не возникло. Пограничники пропустили моих людей после недолгого визуального контроля.

– Не заметили усиления пункта досмотра?

– Вроде нет, – ответил Романовский. – Все как обычно. Таможня, пограничники, служебные собаки, натасканные на наркотики и взрывчатку. Я не исключаю, что в ближайшем овраге притаился взвод спецназа, но глаза они не мозолили. Думаю, информация об усилении пунктов досмотра не всегда соответствует действительности. Рапортуют о том, чего нет. Возможно, им не хватает людей. Да и традиционный русский бардак никто не отменял. У моих людей имелись адреса агентов, с которыми им предстояло выйти на контакт и подобрать объекты для проведения диверсий. Громанько регулярно связывался со мной, докладывал обстановку и соображения. Линия связи безопасная, прослушать беседу может только оператор, находящийся в Турции. Инцидентов не было, если не считать одного ретивого гаишника в окрестностях Массандры, которому не понравилась быстрая езда Стеценко. Цена вопроса – две тысячи рублей. Решили на месте.

– Маловато что-то, – проворчал Хоменко.

– Нарушение было незначительным, – с усмешкой пояснил Романовский. – Да и крымские инспектора еще, видимо, стесняются просить много. Мои люди проехали несколько населенных пунктов, поговорили с местными жителями. Имелись несколько вариантов. Взвесив все, мы остановились на следующем. Городок Анкерман около Алушты...

– Минуточку, – насторожился полковник. – В Анкермане, если меня не подводит память, обосновался один из наших ценных агентов.

– Так точно, – подтвердил Романовский. – Кличка Майор. Именно с ним вошли в контакт мои люди. Этот человек, с их точки зрения, оказался хорошо подготовленным и осведомленным. У него неплохое прошлое. Он отлично ориентируется в современных реалиях и на хорошем счету у оккупационных властей, вне всякого подозрения. Проживает не в самом Анкермане, а в соседнем приморском поселке под названием Чебатырь. Впрочем, фактически это один растянутый населенный пункт. Чем нас привлек Анкерман, пан полковник? Это Южный берег Крыма, где всегда многолюдно и кипит жизнь. При этом в окрестных скалах и горах немало мест, подходящих для схронов. Население Анкермана – пятнадцать тысяч. Отдыхающих в несколько раз больше. Туристы постоянно меняются, уезжают, прибывают. В предгорьях оборудованы кемпинги, многие едут дикарями с палатками. Автомобильные дороги в городе постоянно забиты. У властей нет возможности всех отследить. В городе не меньше сотни отелей, от больших многозвездочных до крохотных частных. Многие горожане сдают свои квартиры и дома, чем и живут. Рестораны, магазины, развлекательные заведения, большая набережная с причалом и пристанью. Работают экскурсионные бюро, организуются морские прогулки.

– Вы выбрали объекты? – нетерпеливо спросил Хоменко.

– К тому и веду, пан полковник. Майор оказался толковым малым, предложил несколько мест. Мы выбрали два. Первое: городской рынок Анкермана на улице Качаловской. Это внушительный торговый объект за оградой, в нем имеется крытый павильон и соседствующие с ним торговые ряды на свежем воздухе. Объект формально охраняется, но пронести на него взрывчатку проблем не составит. Рынок работает каждый день. Это самое людное место в Анкермане. Там шатаются горожане, туристы, приезжают жители соседних поселков, работают оптовики.

– Не оригинально, но пойдет, – сказал Хоменко. – Есть первоначальные задумки?

– Рынок работает только в светлое время суток. После закрытия персонал наводит порядок и удаляется. Есть охрана, но это обычный ЧОП – просто дубинки. Сигнализацию можно обойти. Объект не представляет ни военной, ни государственной важности. Есть возможность пробраться ночью за ограду и заминировать павильон. Подрыв осуществим в любое удобное время с пульта дистанционного управления.

– Хорошо. Чем еще порадуете?

– Второй объект – прогулочный теплоход, которых в распоряжении местного экскурсионного бюро целых три штуки. Они катают туристов от городской пристани до Ялты или Балаклавы, останавливаются в этих городах. Вы же представляете, что такое экскурсионное судно. Две палубы – верхняя и нижняя, музыка, бар, экскурсовод вещает в динамик. На подобные мероприятия вход свободный, по предъявлению билета на морскую экскурсию. Багаж туристов не осматривается – провози хоть взрывчатку, хоть черта с рогами. Мои люди лично в этом убедились. Все остальное – дело техники.

– Очень интересно. – Полковник Хоменко выбрался из-за стола и начал вышагивать по кабинету.

Последний объект ему явно понравился больше, чем первый.

– Вместимость судов?

– Одна из посудин резервная, про нее информации нет. Теплоход «Бургас» – вместимость сорок человек. Небольшое судно. Ходит в Ялту, которая от Анкермана, сами понимаете, недалеко. Отправление с пристани в десять часов дня. Возвращение в три пополудни. Больше часа торчит в Ялте, чтобы у туристов было время прошвырнуться по набережной и магазинам. Второй теплоход – «Скрябин», вместимость восемьдесят человек. Отправление в двенадцать, возвращение в Анкерман – в семь вечера. Заход в Балаклавскую бухту, осмотр местных достопримечательностей, в том числе бывшего завода по ремонту подводных лодок, который, как известно, находится в горе. Русские, кстати, пока сохраняют там музей. Ходят слухи, что скоро они опять будут ремонтировать в этом месте свои атомные подлодки.

– Морские прогулки совершаются каждый день?

– Так точно, – сказал Романовский. – Курортный сезон не очень долгий, коммерсантам надо зарабатывать. Посудины старые, дышат на ладан, но пока держатся. Шлюпки на судах отсутствуют. Пассажирам выдают спасательные жилеты, но их практически никто не надевает.

– Как далеко от берега держатся суда?

– В среднем в миле.

– Хорошо, я понял, майор. – Хоменко снова нервно зашагал по кабинету. – Пожалуй, соглашусь с вашими предложениями. Акция на рынке должна произойти в людном месте и в подходящее время. Уж позаботьтесь о том, чтобы это случилось не в пустом заднем дворе. Акция на теплоходе – в момент наибольшего удаления от берега. Надо, чтобы поблизости не было судов, способных прийти на выручку людям, терпящим бедствие. Желательно, чтобы акции прошли одновременно. Все технические детали решайте сами, вам виднее. Второго августа в России отмечается День Воздушно-десантных войск, – когда это быдло купается в фонтанах. – Полковник слишком демонстративно изобразил рвотный рефлекс. – Было бы неплохо, майор, поздравить россиян с этим праздником.

– Я понял, пан полковник. – Романовский мысленно подсчитал оставшиеся дни. – Уверен, мы сделаем это.

– Войска дяди Васи, блин, – презрительно пробормотал Пичулин, уставший молчать.

– Готовьтесь, Леонид Тарасович, – сказал полковник. – Времени остается не так уж много.

– Мы готовы, господин полковник.

– Хорошо. Цели утверждаю. Когда возвращаются ваши люди?

– Могут сегодня вечером, – ответил Романовский. – Но нужно ли им возвращаться, Петр Григорьевич? Ребята уже на месте. К чему лишние переезды? Возникнут вопросы при пересечении границы. Мол, не слишком ли быстро отдохнули автомеханики из Харькова?

– Рад, что вы тоже это подметили, – с улыбкой проговорил Хоменко. – Разумеется, им не стоит возвращаться. Пусть сидят в Анкермане. Свяжитесь с ними, сообщите, чтобы не дергались. Пусть поменьше контактируют с агентом и мозолят глаза в посещаемых местах. Завтра утром выдвигайтесь со старшим лейтенантом к границе. База – поселок Дочерня на нашей тер-

ритории, в трех километрах от пограничного поста «Север». Там получите последние инструкции.

– Остались нераскрытыми три темы, господин полковник. – Романовский понизил голос. – Взрывчатка, группа отвлекающего маневра и путь отхода после выполнения задания. Мы понимаем, что подробные инструкции получим в Дочерне, но все же хотелось бы прояснить эти вопросы уже сейчас.

– Ваше право, – согласился полковник. – В ближайшую неделю вам не надо никуда отходить. Рассредоточьте людей по разным адресам, чтобы не светиться толпой. Для этого привлечите агента. Пусть продумает, что можно сделать. Не надо суеты. Если не засветитесь по ходу акции, то ведите себя непринужденно. Выжидайте. На рожон не лезьте. Вы обычные туристы с Украины, проводящие отпуск в Крыму. Таких людей там многие тысячи. Оккупационным властям не по силам пробить каждого человека. Возникнет экстремальная ситуация – действуйте по обстановке. Никаких признательных показаний. Это полностью исключено! Уляжется шум – агент получит инструкции, как вас вывезти. Самый трудный вопрос: доставка взрывчатки. В данный момент в Крыму у нас ничего нет. Людей, на которых можно положиться, не так уж много. Их схроны пусты. Кое у кого есть стрелковое оружие, старые мины с советских складов, гранатометы. Это все. Взрывчатки на местах нет. Такой вот удручающий факт. При кажущейся простоте ее доставки на полуостров сделать это сложно. ФСБ и пограничники перекрыли все тропы. Вам нужны не триста граммов, не пятьсот, а как минимум килограммов двадцать. Это увесистый багаж, согласитесь. В самом Крыму вы можете перемещаться с этой взрывчаткой. Скорее всего, вас не остановят. Вся проблема в том, как провезти ее туда. По этой причине все усложняется, и на арене возникает группа отвлекающего маневра. Она на грузовике совершает прорыв через российский пост с применением стрелкового оружия, гранат, пулемета. По моему замыслу, группа должна дойти до определенного рубежа, там бросить машину и разбежаться. Типичная военная акция с элементами самопожертвования. При этом неизбежны разрушения и потери среди российских пограничников. Спешим эту акцию на провокацию россиян. Не получится, ну так что ж? На Украине хватает патриотов, за которыми трудно уследить. Иногда они сбиваются в стаи. Эти люди не будут одеты в форму военнослужащих и окажутся без документов. Следствие покажет, что это добровольцы из батальона «Крым», настоящие патриоты, решившие провести самостоятельную акцию. Парни просто не выдержали унижения своих на полуострове.

– Они же понимают, что живыми не выберутся, не так ли? – проворчал Романовский. – Их расстреляют и напигуют свинцом, даже если они захотят сдаться. Такого русские не простят. Пусть у них и нет спецназа на каждом посту, но есть мобильные боевые группы.

– Да, они вполне понимают, куда собрались. Формально о гибели речь не идет, но все ясно. Смертники не только у исламистов, майор. Хотя если вдуматься... – Полковник усмехнулся. – Они ведь тоже исламисты. Их шестеро, командует группой капитан Марат Баязов. Толковый офицер, хорошо проявил себя в зоне АТО, но недавно узнал, что переносит ВИЧ, мда... – Полковник как-то смущенно кашлянул. – Он сам собрал свою группу, готов выполнить любой приказ.

– Попробую угадать, – сказал Романовский. – Ваши камикадзе пробивают границу, выносят шлагбаум. Их преследуют по степи подразделения российской армии. В это время... – Он сделал драматическую паузу.

– В это время, пользуясь сумятицей, вы со старшим лейтенантом Пичулиным проезжаете границу на старенькой «Таврии» с форсированным двигателем, которую вам дадут ребята из технического отдела. Уверен, вы будете не единственными. За всеми не угонятся. Испугались, рванули. Да, рискованно, но кому сейчас легко? Сумки с тридцатью килограммами взрывчатки всегда можно выбросить в ковыль, а потом вернуться за ними. Сама не взорвется. Можно не

сомневаться в том, что все наличные силы противник бросит на ликвидацию группы Баязова. Изучите карту. У поста «Север» сходятся несколько дорог, и они не выглядят пустыми.

– Мы это сделаем, – заявил Романовский. – Вопрос в другом. Не насторожится ли противник уже после того, как разберется с Баязовым? Как-то тупо, согласитесь. Даже для отъявленных фанатиков. За версту несет отвлекающим маневром.

– И что? – Полковник улыбнулся. – Крым большой. А камеры, фиксирующие транспорт, проходящий через пост, люди Баязова уничтожат в первую очередь. Неясностей много, майор. Но для того и дана смекалка украинскому диверсанту. Взрывчатку получите в Дочерне. Тридцать килограммов тротила плюс взрыватели, пульты дистанционного управления. Это добро отправьте на рынок. Не для продажи, конечно, – неуклюже пошутил полковник. – Помимо этого вы получите три килограмма тринита, новейшей американской взрывчатки. Продукт новый, очень мощный, при этом безопасный в эксплуатации. Натовский инструктор в Дочерне покажет вам, как ею пользоваться. Наши партнеры хотят проверить эту штуку в реальной обстановке. С ней пойдете на теплоход. Трех кило вполне достаточно для того, чтобы разнести эту рухлядь в клочья. Вы сами понимаете, что для выполнения задания предпочтительнее восьмидесятиместный теплоход. «Скрябин», верно? Есть еще вопросы, майор? Вопросов нет. Идите, готовьтесь.

Глава 4

– Зачастил ты что-то, папуля, в Крым, – с подозрительными нотками в голосе вымолвила Маринка. – Только в новейшей истории ты появляешься в тех местах в третий раз. Конечно, там красиво. Туристы, пиастры, все такое.

– Что такое «в новейшей истории», дочь? – осторожно спросил Вадим.

– Отсчет новейшей истории, в моем понимании, начинается с того дня, когда мой папа встретил тетю Лену, на которой впоследствии женился. Дочь его как жила в одиночестве в морозной таежной Сибири, так и продолжает.

Вадим проглотил очередную шпильку. Бесполезно доказывать, что в морозной Сибири сейчас плюс тридцать, да и с тайгой немного не срастается. В городке, где он ее оставил на попечение двоюродной сестры, полтора миллиона жителей и самый длинный в мире метро-мост.

– Как ни позвоню, ты в Крыму, – продолжала развивать тему острая на язык дочь. – А тетя Лена, между прочим... ну, та женщина, на которой ты недавно женился с моего неосторожного одобрения...

– А что тетя Лена? – насторожился Вадим.

– А где она?

– Полагаю, в Туле. Работает она, Мариша. Знаешь что, ребенок, мы все, между прочим, трудимся. Я тоже не отдыхаю. Так уж вышло, что никто из нас не может бросить свою работу, чтобы скататься в Сибирь и тебя развлечь. Потерпи, через пару месяцев мне дадут краткосрочный отпуск, и мы обязательно приедем. А пока слушайся тетю Люду и постарайся достойно провести последний месяц летних каникул.

Маринка демонически рассмеялась. Вадим ощутил недобрые вибрации, убрал трубку от уха. Дочурка была предсказуема в своей непредсказуемости. Иногда ей действительно удавалось его испугать.

– Ладно, папуля, перестаем обмениваться глупостями. И все же почему Крым, признайся? Не Европа или какая-нибудь Турция, где, между прочим, все включено.

«Даже государственный переворот», – подумал Вадим.

– Это несколько дней, Мариш, – сказал он. – Сделаю работу и вернусь в Подмоскowie. Дело скучное, монотонное. Бродим по улицам, патрулируем. Сегодня расслабился, сделал тайский массаж...

– В Крыму – тайский массаж? – уточнила Маринка.

– Да, и что?

– И как, помогает?

– Не знаю. – Вадим улыбнулся. – Тому, кто его продает, точно помогает.

Маринка засмеялась.

– Ладно, не води меня за нос. Может, ты и в Крыму, но что-то я сомневаюсь, что у тебя скучная и монотонная работа. Если помнишь, однажды мы с тетей Леной влипли в нее по уши. Еле ноги унесли. Никакая она не скучная. Ты сейчас на улице?

– В общем, да. – Вадим высунул нос из палатки, вдохнул степной воздух.

В стороне нарастал гул. К палаточному городку приближалась машина.

– Красиво, наверное. – Девчонка завистливо вздохнула.

– Потрясающе красиво, – подтвердил Вадим. – Только не видно ни черта.

– Почему? – не поняла дочь.

– Мариша, ты вроде грамотная. Когда здесь темнеет? Стоп! А почему ты звонишь так поздно?

– Не спится, но я в постели, а не в баре.

На небо высыпали яркие звезды. По степи разгуливал порывистый ветер. Прожектор, закрепленный на наспех сооруженной вышке, озарял гуляющий волнами ковыль.

Гул нарастал, с дороги съехала машина, приближалась к лагерю по колее, продавленной вездеходом. Выросла фигура часового. Транспортное средство сбавило ход, остановилось. Часовой перекликался с водителем, блуждали отблески фонаря.

– Ладно, Мариша, спать тебе пора, – заторопился Вадим. – А я еще послужу.

– Снорклингом займись в свободное время, – посоветовала девчонка. – Говорят, увлекательная штука. Точно не помню, что это такое, но никак не связано с насморком.

– Хорошо, не забывай нас с тетей Леной.

– Вечно буду помнить, – заявила Маринка. – Я вас в красную книгу занесла.

– В смысле?.. – не понял Вадим.

– Вашу фотку в томик Агаты Кристи засунула, – пояснила Маринка. – Он красный. На долгую память. Ладно, папуля, занимайся своими срочными делами, я спать. Звони, когда проснется совесть. Не избавился еще от нее в процессе эволюции? – Она не стала лишней раз вгонять отца в краску, отключилась.

Все нормально. Мамы у ребенка нет, погибла в аварии шесть лет назад. Братишек и сестренка тоже не имеется. Папа трудится на другом конце огромной страны, дома бывает по великим праздникам. Даже новый штамп в паспорте, обретенный в последний день весны, не изменил ситуацию к лучшему. Раньше два члена семьи жили раздельно, а теперь к ним прибавился еще один. Нет никакой надежды на перемены.

А ребенку, между прочим, пятнадцать лет. Еще немного, и барышня станет жить самостоятельно. Это грозит неминуемыми катаклизмами и разорванными нервами.

Машина остановилась у крайней палатки. Все в порядке, дежурная смена прибыла с патрулирования.

Два взвода крымского спецназа, к которому прикомандировали группу Репнина, были расквартированы в трех верстах от пропускного пункта «Тангар». Палаточный городок продувался всеми степными ветрами.

Майор Вадим Репнин – командир группы спецназа «Ягуар» Управления специальных мероприятий в составе Федеральной службы по противодействию террору – отогнул полог палатки, вышел на воздух, закурил. Прибывшая смена быстро утомилась. Здесь люди всегда спали, а бодрствовали в другом месте.

Видимость действительно была неважная. Темнота накрыла степь. Подмигивали звезды на бархатном небе. В трех верстах на север пролегла граница, за ней раскинулась свободная, демократическая, индустриально развитая Украина, безумству властей которой давно пора уже слагать песню.

Работа у него и в самом деле была монотонная. Тут он Маринке не солгал. Десять часов – патрулирование района во взаимодействии с местными военными, наблюдение за пропускными пунктами на границе, выборочная проверка транспорта. Затем восемь часов отдыха. Потом опять на работу, независимо от времени суток. На собственном джипе либо на БРДМ, выделенной взводу.

Он дотянул сигарету, выбросил окурочек в степь, вынул телефон, прокрутил журнал вызовов. Разговор с Маринкой продолжался десять минут. Перед этим без малого двадцать он болтал с Леной, по которой дико соскучился.

Она сидела в Туле и тоже не особо веселилась. В каждой нотке ее голоса звучала тоска.

Настанет ли время, когда не надо будет вздрагивать от каждого звонка и мчаться к аппарату? Две недели не виделись, и это называется «поженились»?

Лена уже с трудом справлялась со своими обязанностями. Вчера в операционной пациент попался нервный, орал, как капрал на плацу. Она тоже разозлилась и чуть вместо глаза ему что-то другое не вырезала!

Но ведь Лена знала, на что шла. Вся подноготная его работы на благо Отчизны была ей известна. Она вздыхала, шептала, что все понимает и потерпит. Ничего страшного, какие наши годы. Вдруг ее мужу когда-нибудь дадут звание подполковника. Он прекратит мотаться по стране как неприкаянный и оседет в комфортабельном кабинете?

Вадим заверил супругу, что спокойная жизнь не за горами, надо только потерпеть. Срок этого испытания он не озвучил и с грустью подумал, что вот так и разваливается супружеская жизнь. Сперва ты на что-то надеешься, потом тебя охватывает чувство безысходности.

Да и согласится ли он до самой пенсии протирать штаны в кабинете? Не его это доля.

В принципе, смешно – десяти нет, а спецназ спит без задних ног. Ладно, пусть дрыхнут. Работа предстоит тяжелая, десять часов кряду. А там еще неизвестно, сменят ли их бойцы капитана Крутикова.

Еще один парадокс. Весь мир кричит, что в Крыму скоро плюнуть будет нельзя, не попав в российского солдата. На самом деле налицо острая нехватка подготовленных бойцов. Из Москвы приходится гнать лучшие подразделения без четко обозначенной задачи.

Он снова отогнул брезентовый полог, вернулся в палатку, на цыпочках пробрался к своей походной койке, отыскал на ощупь изголовье. Снабженцы расстарались, даже тумбочки добыли. Все удобства, только неси службу.

Майор стащил куртку и пристроил ее на тумбочке. Оттуда упал бронежилет, который прапорщик Капралов положил туда же. Какого хрена? Это не его территория!

Капралов заворочался, привстал, заблестел глазами.

– Что, блин?

– Спи, блин, – буркнул Вадим, растягиваясь на жесткой койке.

Второго приглашения не потребовалось. Прапорщик Алексей Капралов удовлетворенно заурчал и уронил голову на тощую подушку.

Аромата благовоний в палатке, конечно, не хватало. Шесть мужиков, которым третий день лень мыться. Элитное подразделение спецназа, чтоб его! Бойцы храпели, как стадо бегемотов. Подойди к ним террорист с бомбой – места живого не останется от всей компании!

Ладно, Крым – это русская земля, родной дом, вопреки мнению некоторых. А дома даже стены помогают. В данном случае степь, в которой стоят и зевают часовые.

Он знал, что это не так. Бойцы подлетят по первому сигналу. Каждый знает, что делать в нештатной ситуации. Хотя безделье расслабляет, конечно, ничего тут не попишешь.

«Может, устроить им учебную тревогу, чтобы жизнь медом не казалась? – лениво подумал Вадим, забрасывая руки за голову. – Бесчеловечно, но мы же в армии. Здесь в порядке вещей внезапные сборы и построения по прихоти начальства».

В стороне снова заурчал мотор. Вадим уже научился различать по звуку местные машины. Приближалась бортовая «Газель» с сухим пайком на ближайшие сутки. Надоела уже такая еда! Хорошо хоть, что с биотуалетами проблем нет – забирают по мере наполнения, доставляют новые.

Застонал во сне прапорщик Федор Жилин, выдал в пространство пару глаголов, подозрительно смахивающих на нецензурные. Поднялась взлохмаченная голова старшего лейтенанта Гриши Амбарцумяна, повисела в пространстве и повалилась на подушку. Тут же, как по команде, поднялся капитан Максим Рудницкий, сел, опустил ноги на земляной пол, стал раскачиваться, как китайский болванчик. Потом поднялся и побрел, шатаясь, на выход – до ветра.

Вадим лежал с открытыми глазами. В темноте прорисовывался брезентовый полог. Сквозь дырку в нем в палатку заглядывала яркая звезда, неведомо как называвшаяся. В углу смутно виднелась пирамида, составленная из шести автоматов Калашникова калибра 5,45.

Вернулся Рудницкий, широко зевнул, запнулся о койку старшего лейтенанта Балабанюка и рухнул на свою.

Первая летняя командировка в Крым вышла какой-то смазанной. Прошло почти два месяца. Майор до сих пор испытывал чувство неловкости и стыда. Украинские диверсанты готовили взрывы ЛЭП и прибрежного пансионата, набитого отдыхающими. Группа Репнина допустила осечку.

Кабы не парень по фамилии Туманов, бывший морпех, приехавший отдохнуть, все закончилось бы печально. Этот парень в одиночестве ликвидировал группу подготовленных диверсантов, спасая девушку, с которой только познакомился. Припозднившейся группе Вадима осталось лишь снимать сливки.

Да, он чувствовал себя неловко и предложил Туманову перейти на службу в его группу. Такими кадрами нельзя разбрасываться. Парень думал неделю, потом извинился. Мол, прости, майор, хватит с меня, навоевался, тем более жениться собрался.

Два месяца пролетели как в тумане. Вадим учел ошибки, допущенные тогда. Главный вывод был таков: не лезь в драку, если у врага численное превосходство и он подготовлен не хуже тебя. Ищи другие пути. Хитрость, смекалка, а главное – полная информированность.

Недели летели как бомбардировщики, сбросившие свой смертельно опасный груз. Его люди обезвредили террористическую ячейку в Мытищах. Следили неделю, отказавшись от услуг ФСБ, по каплям собирали информацию и накрыли всю группу без копоти и пыли. Ребята испугали лишь пару старушек у подъезда, которым впоследствии объяснили на ушко: учения, мол, не надо паники и сплетен.

Две командировки на Северный Кавказ – ликвидация бандюка в Дагестане, освобождение заложников в санатории под Нальчиком. Внезапная переброска в Волгоград, где смертники пытались взорвать автобус. Помогла бдительность пассажиров. Террористы, обложенные взрывчаткой, в итоге оказались блокированы в пригородном поселке.

Не все они хотели умереть, но иного выхода у них не оказалось. Взрыв был такой силы, что повалился бетонный забор соседней автобазы, от дома не уцелело ни одного кирпича, а останки террористов пришлось отскребать от разрушенных строительных конструкций.

Охрана, патрулирование стратегических объектов, какие-то странные учения, на которые подняли войска Центрального округа заодно со «специфическими» подразделениями. Парням пришлось неделю демонстрировать высокой комиссии свое мастерство, а потом смотреть танковый биатлон, завершивший учения.

«В следующий раз на океан поедem, – прокомментировал это Вова Балабанюк. – Греблю на подводных лодках покажут».

Следующее дело – почти курьез. Несколько юнцов без башни на плечах возомнили себя спасателями Украины. Все они обучались в московском технологическом вузе. Взрывчатку ребята сделали самостоятельно, странно, что не взорвались при этом. Они решили устроить фейерверк на Красной площади.

Их вовремя схватили – раскололась подружка одного из этих террористов. Прямо народольцы против самодержавия! При задержании они несли дичь про единую, неделимую и нерушимую Украину, про немедленное возвращение под контроль Киева Крыма, Воронежа, Ростова и почему-то Волгоградской области! Майора так и подмывало надавать им по сусалам, а потом отправить в школу, учить географию и историю.

Последний эпизод недельной давности до сих пор отзывался в кошмарных снах. Снова Дагестан, далекий горный район, поселок городского типа. Граница за горным перевалом.

Банда некоего Хакима, давшего присягу на верность ИГИЛ, проникла в город перед рассветом, материализовалась из ниоткуда. Часть бандитов была в полицейской форме. Они рассосались, рассредоточились, затаились. А как начался рабочий день, обрушились на город!

Бандиты носились по городу на джипах, вопили, обстреляли из гранатометов районную больницу, школу, где обошлось без жертв благодаря каникулам. Они взорвали автозаправку, из-за чего весь городок окутался смрадным дымом.

На грузовике, угнанном с местной автобазы, негодяи прорвались к зданию районной администрации, забросали его гранатами. Потом бегали по кабинетам, достреливали ошалевших от страха секретарш и чиновников.

Одновременно беспощадной атаке подвергся районный отдел полиции. Грузовик пробил ворота. По зданию ударили пулеметы и «РПГ-7».

Внутри было многолюдно. Шла планерка у начальства, пересеклись две дежурные смены, не закончилось совещание у следователей, приехали практиканты из Махачкалы, подошли посетители из числа местных жителей. Террористы знали, когда напасть.

В здании воцарился сущий ад. Перепуганные люди выскакивали из горящих кабинетов. Оружейная комната оказалась закрыта, ключи – не пойми у кого. Будку дежурного со всей аппаратурой бандиты взорвали в первые секунды. Они наслаждались паникой, убивали людей самозабвенно, со вкусом.

Отличился один из участковых. С вечера он хорошо выпил, оружие в сейф не положил. Утром не успел опохмелиться, как началось. Страж порядка был страшно зол, стрелял из окна, выходящего на помойку. Потом он собрал нескольких перепуганных женщин и вытащил их через окно в задний двор, предварительно застрелив боевика, засевшего там, помог сбежать в переулок, прикрывая огнем.

Выжили только эти четыре женщины да сам участковый, которого впоследствии нашли во дворе тяжело раненным. Остальным не посчастливилось.

Помощь прибыла через час, когда над несчастным городком висело облако дыма. Это была рота солдат из ближайшей воинской части, расположенной в пятидесяти километрах. Два вертолета высадили спецназ за квартал от райотдела полиции.

Группа Репнина тоже была привлечена. Она сорок минут летела на «Ми-8».

Власти городок не контролировали, в дыму метались какие-то люди, трещали автоматы. Военные оцепили населенный пункт. Бандиты не собирались его покидать, старались убить как можно больше людей.

Шестеро бойцов группы окружили здание, посторонних не подпускали. Никто не знал, остались ли там гражданские. Боевиков выбивали снайперскими выстрелами, двоих положили через окно, одного сняли с крыши.

Всего на город напали десятка два, в окружение под занавес угодили человек восемь. Они стреляли, орали, что у них заложники, но никого не показали, угрожали взорвать остатки здания.

Люди майора Репнина были опытными. Они поняли, что не осталось у бандитов никаких заложников, да и боеприпасы на исходе, дождались, пока у тех окончательно опустеют магазины и кончатся гранаты, стали перебегать к дому. Пошли одновременно, со всех сторон. Страшные обугленные рожи с ножами бросались навстречу, орали нечеловеческими голосами, когда их щедро, словно булочки изюмом, набивали свинцом.

Одному из террористов Вадим лично разнес череп обломком кирпича. Уничтожили всех. Никакие приказы не заставили бы их брать живыми эту мразь.

Хаким умирал последним. Невысокий, криволапый тип со сплюснутым шелушащимся черепом был загнан в угол и шипел, как змея. Рудницкий прошел его очередь, но эта тварь не желала умирать, бросилась в драку с горящими глазами, отпихнула капитана. Жилистые пальцы вцепились в ворот Вадиму, сжали ткань. Главарь бандитов обливался кровавой пеной, его глаза бешено вращались.

Вадима мutilовало от отвращения, но эта нежить вцепилась в него, как пиявка. Он лупил из пистолета в живот главаря. Тот содрогался после каждого выстрела, но упорно не желал переселяться в свой разлюбленный рай.

Подлетел Балабанюк и врезал бандиту по башке прикладом. Потом они вдвоем не могли разжать его пальцы, вцепившиеся в защитную ткань.

Впоследствии майор бродил, как зомби, по разрушенному зданию, тупо таращился на мертвые тела, завалившие проходы. Погибли все боевики, напавшие на город, много гражданских, полицейские. Счет жертвам шел на многие десятки.

С тех пор Вадим каждую ночь переживал этот ужас. Заскорузлые пальцы тянулись к горлу, гоготал мерзкий небритый тип. Пули выскакивали из головы так, словно их кто-то выталкивал оттуда. Покойники лезли в мозг, разводили извилины синеватыми руками, с укором смотрели на него. Мол, где же ты раньше был, brave майор?

Несколько дней на базе шла проверка. Инспектора смотрели все, от боеготовности до скобки, самовольно прибитой к подошве. Злость хлестала через край. До Тулы рукой подать, а вырваться к законной жене невозможно! Да и ее работа не отпускала.

Едва удалились инспектора, его вызвал в Москву куратор группы полковник Паньков Эдуард Романович. Скрипя зубами, Вадим оседлал джип, приписанный к группе, и покати́л в Белокаменную, Первопрестольную и порт пяти морей.

У куратора, пьющего кофе в кабинете, тоже был усталый вид. Два дня назад он вернулся с моря и теперь переживал депрессию после отпуска.

– Давай сделаем вид, что я не вижу твоей злобы и раздражения, – предложил полковник. – Самому нелегко. Садись, наливай кофе, можешь курить. Но только не ругайся, очень тебя прошу. Понимаю твои терзания, Вадим, но служба есть служба. Поступает тревожная информация. Мы снова возвращаемся к нашей излюбленной теме.

– К Украине, – догадался Вадим.

– Точно. Сам сообразил? Подкинули себе головную боль в четырнадцатом году. Как жили до всего этого, уже и не вспомнишь. Хотя не мы, конечно, начали. Эх, закрыть бы Америку, – размышлял полковник. – Но ладно, это лирика. Несколько дней назад в Киеве был проведен ряд арестов. Хватали людей, причастных, по мнению СБУ, к деятельности российской разведки на территории Украины.

– У них уже третий год аресты, – проговорил Вадим. – Как в тридцать седьмом. Национальный вид спорта. И что, действительно прибрали кого-то из наших разведчиков?

– К сожалению, да, – со вздохом сказал Паньков. – Агентурная сеть понесла потери. Имеется подозрение, что кто-то в наших верхах сливает информацию западным спецслужбам, а те любезно предоставляют ее украинским коллегам. Об арестованных ни слуху ни духу. Известно лишь, что один из наших людей умер в тюрьме. К счастью, агентура не является единым целым, когда, потянув за ниточку, можно размотать клубок. Зачастую эти люди и не связаны между собой. Порой человека знает только его куратор.

– Надеюсь, мою группу не собираются внедрять во вражеский тыл? – осведомился Вадим.

– Было бы забавно. – Паньков хмыкнул. – Уже представляю, как вы с Рудницким разнесите в щепки украинскую Раду, кабинет министров и администрацию президента на Банковой. Нет, Вадим, это было лишь вступление. Каждый должен заниматься своим делом. В Главном управлении разведки Министерства обороны Украины уцелел наш агент. По информации этого человека, украинские власти снова взялись за старое. Они замышляют крупные диверсии в Крыму. Именно эта часть Российской Федерации их волнует в первую очередь. Не дает им покоя наш Крым. Прошлые неудачи ничему не научили этих ребят. Это не деза, информация достоверная. Когда, где и что собираются взорвать, источник пока не знает. Он будет работать в данном направлении. Мы тоже не можем сидеть сложа руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.